

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.2>.

EDN: QFQRSX

*Е.В. МАСЛОВСКАЯ*¹

¹ Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ЭЛИТА БОЛГАРИИ И РУМЫНИИ: ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ РЕФОРМАМ И ВЫЗОВЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация: В настоящей статье исследуются механизмы сопротивления юридической элиты судебным реформам в Болгарии и Румынии с начала 1990-х гг. Представлен анализ исторического контекста и развития судебных систем обеих стран в период транзита и после вступления в ЕС, выделены ключевые группы юридической элиты и их влияние на процесс реформирования. Акцент сделан на системном исследовании национального уровня в контексте стратегий и тактик представителей элитных групп внутри и вне судебной системы в ходе секторальных реформ, сопровождающих процесс европейской интеграции. Особое внимание уделяется роли председателей судов и судей высших инстанций, которые посредством институциональных ресурсов, контроля над кадровой политикой и формированием профессиональной культуры препятствовали проведению реформ, направленных на создание системы верховенства права. Анализируются основные стратегии противодействия, включающие использование бюрократических и нормативных барьеров, а также сохранение клиентелистских практик, обусловленных в том числе историческим наследием социалистического периода. Подчеркивается, что доминирование политического патронажа и сетей взаимных обязательств препятствовало формированию меритократических принципов рекру-

тинга, оценки и продвижения судей, что снижало эффективность нововведений и углубляло кризис легитимности судебной власти. Сделан вывод о том, что стратегии сопротивления юридической элиты представляли собой комплекс институциональных, культурных и политических практик, которые обуславливали инерцию судебных систем и значительно усложняли процесс имплементации европейских стандартов. Полученные результаты демонстрируют, что эффективность реформ зависит не только от внешнего давления, но и от трансформации внутренней кадровой политики и корпоративных норм в судебной системе. Судебные реформы в Болгарии и Румынии иллюстрируют наличие множественности модернизационных траекторий, зависящих от историко-культурного контекста, взаимодействия локальных и глобальных акторов, а также баланса сил внутри юридического поля. Статья вносит вклад в развитие теоретических представлений о процессах судебных реформ в постсоциалистических странах.

Ключевые слова: множественные модерности, судебная реформа, юридическая элита, политика ЕС, Болгария, Румыния.

Для цитирования: Масловская Е.В. Юридическая элита Болгарии и Румынии: противодействие реформам и вызовы европейской интеграции // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 4. С. 27–61.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.2>. EDN: QFQRSX

ВВЕДЕНИЕ

В процессе интеграции в Евросоюз страны Юго-Восточной Европы, в том числе Болгария и Румыния, были вынуждены решать задачу по реформированию судебно-правовой системы. Распространение правовых институтов, идеологий и доктрин является прерогативой профессиональных элит. Изучение трансфера институтов и норм, их последующей рецепции демонстрирует наличие противоположных взглядов среди элитных групп по вопросу о вступлении в ЕС или о согласии с комплексом требований к потенциальным странам-кандидатам, порождающих конфликты и затягивающих процесс принятия реформ [8; 13]. При этом компетенция различных групп внутри элит и отстаиваемая ими позиция оказываются результатом сложного и неоднозначного взаимодействия исторического опыта и новых социально-экономических условий.

Практический опыт вступивших в 2007 году в ЕС Румынии и Болгарии продемонстрировал критическую значимость судебных реформ для всего процесса интеграции. В этих странах реформирование судебной системы стало ареной интенсивной политической борьбы, в ходе которой политические и юридические акторы, стремясь сохранить статус-кво, активно противостояли изменениям [14]. Подобная ситуация позволила ряду исследователей представить судебную реформу как сферу высокой политики [31], в которой распределение выгод и издержек от реформ приобретает чрезвычайно сложный характер. По своей сути, данные преобразования оспаривают сложившийся баланс структур власти, затрагивая интересы политических, бюрократических и судебных элит [13]. Общий вывод заключается в том, что влияние Европейского союза, несмотря на существующие ограничения, способно сыграть роль катализатора, создавая критический момент для проведения реформ. В то же время дальнейшая динамика изменений определяется в рамках внутренних политических процессов, и успех реформ напрямую зависит от готовности национальных политических и юридических элит отказаться от наследия предыдущих режимов. В этом смысле, сопротивление реформам — это не просто проявление некоего консерватизма, но активное противостояние трансформации властных отношений и культурных паттернов.

Основной целью статьи является выявление причин и механизмов сопротивления юридической элиты судебной реформе в Румынии и Болгарии. Данная группа включает в себя судей высших судебных инстанций, председателей судов, членов Высшего совета судей, высокопоставленных работников прокуратуры и чиновников органов юстиции. Представлен анализ исторического контекста и развития судебных систем обеих стран в период транзита и после вступления в ЕС, выделены ключевые группы юридической элиты и их влияние на процесс реформирования. Акцент сделан на системном исследовании национального уровня в контексте стратегий и тактик представителей элитных групп внутри и вне судебной системы в ходе секторальных реформ, сопровождающих процесс европейской интеграции. Кроме того, важным представляется исследование факторов, способствующих или препятствующих реформам в судебной системе, с акцентом на культурные и институциональные аспекты. В результате

формируется комплексное понимание имплементации норм, рассматриваемой как кумулятивный эффект взаимодействия целого ряда социальных процессов. Такой подход выходит за рамки простой интериоризации новых норм и включает внутреннюю динамику, обусловленную политическими интересами и стратегиями различных категорий акторов, вовлеченных как в правовую систему, так и в государственное управление. Исследование базируется на социологическом анализе конкретных изменений, связанных с процедурами рекрутинга, назначения и карьерного продвижения судей, т.е. ключевых механизмов, направленных на повышение профессионального уровня акторов судебной системы в странах Юго-Восточной Европы.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

В 1990-е годы особой популярностью среди исследователей, анализировавших процессы социальной трансформации в странах Восточной Европы, пользовался транзитологический подход, который формировался под влиянием модернизационной теории, прежде всего концепции американского социолога Т. Парсонса. Сторонники транзитологии сводили наследие коммунистической системы преимущественно к негативным аспектам, рассматривая его как совокупность общественных паттернов и ментальных установок, несовместимых с рыночной экономикой и препятствующих ходу трансформации. В рамках модернизационной логики западная модель капитализма, демократии и национального государства выступала в роли универсального стандарта, к которому должны были стремиться постсоциалистические общества. Программа перехода при этом формулировалась как последовательность конкретных шагов и мер, направленных на максимально быстрое приближение к этому идеалу. Однако сторонники транзитологического подхода зачастую игнорировали возможные непреднамеренные последствия трансфера западных институтов и практик.

Социологически ориентированный подход к анализу развития восточноевропейских обществ, предложенный Й. Арнасоном [6; 7], отличается от транзитологии тем, что он не рассматривает их просто

как часть западной цивилизации, которая «возвращается к нормальности» после коммунистического периода. Вместо этого Арнасон трактует историю восточноевропейских стран как последовательную смену различных типов современного общества, на которую оказывали существенное влияние внешние геополитические и идеологические факторы, а также исторические случайности. Такой подход позволяет учитывать сложную и неоднородную траекторию развития региона, выходящую за рамки линейной модернизационной модели. Однако в своих работах, посвященных трансформационным процессам в Восточной Европе, Арнасон практически не затрагивает правовую проблематику.

Фокус на трансформации правовых институтов в странах Восточной Европы отличает подход П. Блоккера [9; 10]. Опираясь на основные положения концепции Арнасона, Блоккер проводит различие между теми обществами, которые приняли определенную модель модернизации в силу «внутренней логики» своего развития, и теми, которые «просто попали в орбиту геополитических и исторических обстоятельств» [6, р. 436]. Осмысляя историю и современность в странах Восточной Европы в категориях «открытости» и «закрытости», исследователь стремится предложить альтернативу мейнстримным подходам к объяснению модернизации в странах этого региона. В результате Блоккер приходит к выводу о том, что в данном регионе наблюдалось несколько соперничающих модернизационных проектов, возникавших в ходе адаптации к местным обстоятельствам идей и практик социального развития западноевропейских стран [2, с. 19].

Этот исследователь обращается к примерам Польши, Чехии, Венгрии и Румынии. В целом формирование идентичности в данных странах связано с постоянным напряжением между двумя взаимоисключающими стремлениями — к самобытности (обособленности) и к открытости («европейскости»). Тем самым, модернизацию в этом регионе автор описывает как прерывистую цепь перемен, состоящую из свертывания ряда модернизационных подвижек и возникновения новых конфигураций. Важно заметить, что Блоккер не связывает традиции закрытости в Восточной Европе лишь с «недостаточным» усвоением модерности или неспособностью воплотить у себя структуры и принципы существования современного Запада. Напротив,

он подчеркивает, что эти традиции следует объяснять наличием противоречивых тенденций и интерпретаций различных путей к модерности.

Далее Блоккер проводит дифференциацию форм открытости и закрытости: идеологической, культурной, политической и экономической. Среди выделенных им четырех случаев взаимодействия западной модернизации и либерализации с локальной средой в Восточной Европе обратим внимание на последний, произошедший в конце 80-х гг. XX века. Раскрывая особенности этого этапа, автор отмечает первоначальное преобладание нарратива «нормализации» и «возвращения в Европу», получившего свое отражение в закреплении новых ценностей в демократических конституциях 1990-х гг. Вместе с тем, хотя мнение несогласных с этим нарративом было маргинализировано, его носители со временем вновь стали обретать политический вес. Согласно выводу, к которому приходит исследователь, «нарратив открытого либерального общества только частично соответствует реальности, поскольку единая по характеру модернизация не может не иметь дела с грузом прошлого и вдобавок испытывает влияние различных нарративов переходного периода» [2, с. 30].

Неудивительно, что процесс трансформации правовых институтов восточноевропейских обществ оказывается сложным и противоречивым. Описывая этот процесс [9; 10], Блоккер указывает, что преобладавший в нулевые годы подход к реформированию политико-правовой сферы оказался принципиально не способен отрешиться от логики модернизации. В рамках этой логики «крайне сложные и извилистые процессы политических, социальных, экономических и культурных трансформаций понимались теоретиками модернизации как полностью управляемые и регулируемые» [1, с. 166]. Сторонники подобной инженерии представляли демократию и правовое государство как четко структурированную институциональную систему, поддающуюся рациональному и последовательному внедрению. Блоккер же выступает за более нюансированный подход, учитывающий исторические траектории демократического и правового развития и рассматривающий их как сложные противоречивые процессы, протекающие внутри общества. Таким образом, подход Блоккера расширяет и углубляет понимание модернизации и трансформации

в Восточной Европе, подчеркивая важность локальных особенностей, множественности нарративов и сложности правовых реформ в условиях исторической неоднородности региона.

В научной литературе, посвященной изучению трансформационных процессов в странах Восточной Европы, выделяется широкий спектр факторов и условий, действующих как на уровне Европейского союза, так и внутри национальных контекстов, которые могут либо способствовать, либо препятствовать эффективному влиянию ЕС на процессы судебной реформы. Эмпирические исследования демонстрируют, что такого рода факторы проявляются неодинаково в разных странах и оказывают дифференцированное воздействие на траекторию и результаты реформирования судебной системы. В ряде работ внутренние условия рассматриваются как «параметры», которые варьируются по форме и интенсивности в каждом конкретном национальном случае [21]. Особое внимание при этом уделяется наличию внутри и вне судебной системы как противников реформ, так и агентов перемен, а также структурным ограничениям, обусловленным историческим наследием. Подходы, основанные на концепции «агентов перемен» (change agents), выделяют роль национальных акторов — судей различных инстанций, сотрудников судебного аппарата, адвокатов, в редких случаях административных руководителей или прокуроров, — которые при поддержке международных организаций могут инициировать и поддерживать реформы, несмотря на возникающее сопротивление. В частности, М. Мендельски подчеркивает, что устойчивость реформ зависит от формирования коалиций и сетей внутри судебной системы, усиливающих эффект внешнего давления [36]. Это согласуется с теорией социального капитала [41], подчеркивающей значение сетей доверия и сотрудничества для успешного внедрения изменений. Кроме того, подход «многоуровневого управления» (multilevel governance) позволяет рассмотреть реформы как результат взаимодействия международных, национальных и локальных уровней власти и акторов [33]. Этот подход отражает сложность координации норм и практик, а также неоднородность влияния внешних агентов в зависимости от уровня и контекста. Наконец, теория институциональной логики [23] помогает понять, как конфликт и синтез различных ценностных систем — европейской, американской

и национальной — формируют уникальные модели реформирования судебной системы. При этом, конкуренция между логиками права, политики и экономики проявляется в разной ориентации европейских и американских стратегий, а также в сопротивлении и адаптации национальных акторов.

Теория институционального изоморфизма [19] помогает объяснить, почему национальные судебные системы принимают внешние стандарты и нормы. Давление со стороны Европейской комиссии и международных финансовых организаций создавало нормативное и миметическое давление, стимулируя адаптацию национальных институтов к международным «лучшим практикам». В рамках исследований европеизации сформировалась концептуальная модель, описывающая динамику трансфера норм и их институционального укоренения в национальной среде. Согласно этой модели, успешность усвоения и интеграции новых норм напрямую коррелирует со степенью их совместимости с внутренними политико-правовыми, институциональными и культурными особенностями страны. Применительно к судебным реформам в странах Юго-Восточной Европы это означает, что формальное копирование западных стандартов и практик вряд ли способно обеспечить качественные изменения в функционировании правосудия. Это обусловлено значительными расхождениями между экспортируемыми моделями и национальными правовыми традициями, институциональной структурой, экономическим контекстом, а также уровнем институционального потенциала. Таким образом, учитывая национальные правовые традиции и специфику, возможно не механическое копирование, а адаптивный изоморфизм с локальной интерпретацией.

Кроме того, концепции профессионализации и автономии судебной власти подчеркивают важность институциональных механизмов, таких как Высшие советы судей, обеспечивающих независимость судей и предотвращающих политическое вмешательство. Эти теоретические рамки помогают объяснить, почему нормативные стандарты и процедурные реформы, рекомендованные международными акторами, могут иметь разную степень реализации в зависимости от уровня институциональной зрелости и политической воли. Ключевым фактором, замедляющим адаптацию, выступает активное сопротивление

со стороны влиятельных акторов как внутри судебно-правовой системы, так и за ее пределами (это, прежде всего, представители политической и административной элит). Вместе с тем, несмотря на эти вызовы, отдельные элементы западного опыта постепенно интегрируются, хотя этот процесс протекает значительно медленнее, чем предполагалось в первоначальных прогнозах.

Данное исследование основано на сравнительном анализе судебных реформ в Болгарии и Румынии в процессе европейской интеграции, что позволило выявить особенности и различия в стратегиях трансформации судебных систем в двух странах. Методология включает несколько ключевых компонентов. Во-первых, использован метод кейс-стади, фокусирующийся на двух странах, что обеспечивает понимание контекстуальных факторов и специфики взаимодействия международных и национальных акторов. Выбор Болгарии и Румынии обусловлен их схожим историческим и политическим контекстом, а также статусом новых членов Европейского союза, что позволяет выявить общие тенденции и локальные вариации. Во-вторых, анализ подкреплен обзором академической литературы по судебным реформам в Восточной Европе, что обеспечивает теоретическую основу и позволяет соотнести эмпирические данные с существующими концепциями институциональных изменений и международного влияния. Особое внимание уделялось работам, в которых исследуются механизмы внешнего давления и роль внутренних «агентов перемен» в судебной сфере.

В-третьих, для раскрытия динамики взаимодействия акторов использовался подход, позволяющий проследить эволюцию реформ в течение нескольких этапов, начиная с подготовки к вступлению в ЕС и заканчивая мониторингом в период после вступления. Это позволило выявить, как менялись стратегии международных организаций и национальных властей в ответ на внутреннее сопротивление и внешние требования. Наконец, учитывались институциональные и профессиональные факторы, влияющие на успешность реформ, включая роль Высших советов судей, Ассоциаций судей, степень независимости судебной власти и уровень консолидации юридической элиты. Такой комплексный подход обеспечивает целостное понимание процессов реформирования и взаимодействия международных и национальных акторов.

ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ И ОСОБЕННОСТИ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВОВЫХ ИНСТИТУТОВ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

В ходе анализа постсоциалистических трансформаций в Восточной Европе необходимо учитывать не только общий опыт реального социализма, который зачастую воспринимается как фактор гомогенизации, но и историко-культурные различия между странами региона. Традиционные подходы транзитологии, акцентирующие внимание на универсальности социалистического наследия, не всегда способны адекватно отразить сложность и многообразие процессов, происходящих в разных национальных контекстах. Особое значение имеет различие между странами Юго-Восточной Европы, где до установления коммунистических режимов доминировали наследие Османской империи и православная религиозная традиция, и государствами Центрально-Восточной Европы с их габсбургским имперским прошлым и католической культурой. Как отмечают исследователи, византийско-православное и османское наследие было «решающим для формирования политических, экономических и интеллектуальных структур, направивших Балканы по особому пути развития по сравнению с другими регионами Европы» [38, р. 161].

Период между двумя мировыми войнами характеризовался в странах Восточной Европы усилением «закрытости» по отношению к проекту либеральной модерности. «Второе столкновение с модерностью весьма усилило нестабильность во всем регионе, полностью встроив его в цивилизационные рамки “периферии Западной Европы”. В этом смысле внезапное сворачивание либеральной модернизации практически во всем регионе и стратегический курс на установление диктаторских режимов должны описываться как опыт “прерванной модерности”, затронувший судьбу всего этого региона» [2, с. 25]. Блоккер отмечает, что «прерванная модерность» наиболее отчетливо проявилась «в странах, которые, как “Великая” Румыния после 1918 года, прониклись чувством собственного могущества (в результате как территориальной экспансии, так и реализации надежд прежних поколений о соединении нации)» [2, с. 25]. Тем не менее, несмотря на эти сложности, доминирующее влияние православной традиции и османского наследия продолжало определять социокультурные и институ-

циональные рамки, формируя устойчивые паттерны политической и правовой эволюции в Юго-Восточной Европе. Это наследие не было стерто потрясениями межвоенного периода; напротив, оно интегрировалось в механизмы диктатур и последующие трансформации, усиливая региональную специфику. Таким образом, специфическое сочетание православного и османского наследия выступает ключевым фактором, объясняющим траекторию трансформаций в Юго-Восточной Европе, где даже в условиях кризисов и разрывов в процессах модернизации сохранялась преемственность культурных и институциональных основ.

Важно отметить также специфичность политических и социокультурных моделей социалистического периода в Болгарии и Румынии. Если Болгария широко воспринималась как «наиболее лояльный сателлит Советского Союза» [7, р. 96], то Румыния представляла собой пример девиантной, но радикальной версии коммунистического режима. Приход к власти Чаушеску в 1965 году привел к изоляционистской траектории «национального коммунизма» [2, с. 29]. Тем не менее, по мнению Й. Арнасона, для обеих стран были характерны три общие закономерности. Во-первых, по сравнению с СССР и государствами Центрально-Восточной Европы, болгарский и румынский режимы постсталинского периода демонстрировали более сильную тенденцию к автократии. Во-вторых, коммунизм в этих двух странах «был более тесно и позитивно связан с национализмом, чем где-либо в Центрально-Восточной Европе» [7, р. 96]. В-третьих, экономическая политика в Болгарии и Румынии оказалась менее гибкой и менее восприимчивой к проектам реформ, чем в государствах Центрально-Восточной Европы. Добавим, что в правовой сфере Конституции Болгарии и Румынии периода социализма четко отражали господствовавшую идеологию, носили программный характер, содержали обширные ссылки на социальные права, но имели двойственную природу. С одной стороны, закон мог использоваться для осуществления террора, но, с другой стороны, он мог быть использован как инструмент для достижения социального благополучия. Однако в любом случае отсутствовали гарантии применения социалистической законности, поскольку реальный текст Конституции не являлся основой для вынесения судебных решений или иных форм юридических документов, но был, скорее,

открыт для интерпретации партийной номенклатурой, которая и обеспечивала окончательное прочтение конституционных принципов.

Вместе с тем общей особенностью данных стран после 1989 года, отличавшей их от стран Центрально-Восточной Европы, была слабая приверженность идее «самоограничивающейся революции», т.е. идее о том, что системные изменения должны проходить в рамках существующих конституционно-правовых норм. Особенно это проявилось в Румынии, где трансформация происходила не посредством переговоров, но где политическая власть перешла ко второму эшелону коммунистической партии, а процесс создания новой Конституции определялся спешно созданным Фронтом национального спасения. Это привело к высокой степени преемственности элит и минимальным изменениям в правовой культуре, затруднившим создание системы верховенства права.

Начало 1990-х годов ознаменовалось принятием в Болгарии и Румынии новых Конституций, закрепивших западноевропейские институты и ценности, в частности, независимость судебной власти и новую структуру судебной системы. Несмотря на предпринимаемые шаги по реформированию правовых институтов, многие из них носили преимущественно декларативный характер и в большей степени так и остались «на бумаге». Как подчеркивают некоторые исследователи, первоначальные усилия по реорганизации судебных институтов в странах Юго-Восточной Европы были во многом обусловлены стремлением обеспечить независимость судебной власти для предотвращения антикоммунистических судебных процессов [44, р. 63]. Например, в Болгарии спешка, с которой в 1991 году была принята Конституция, объясняется стратегией выживания бывшей коммунистической номенклатуры, прошедшей ребрендинг. Спешное принятие Конституции также должно было послужить свидетельством решительного отказа от наследия предыдущего исторического периода, в том числе широко осознаваемой в обществе слабости и зависимости судей. Более того, в общественном мнении судьи рассматривались как часть прежнего режима [34, р. 222]. Институционализация независимости судей защищала и самих судей от давления со стороны общества, что служило некоторой гарантией того, что они не будут поддерживать призывы к антикоммунистическим процессам.

Во второй половине 1990-х годов, в свете перспективы вступления в Европейский союз, страны-кандидаты столкнулись с двойной задачей: с одной стороны, с необходимостью преодолеть наследие социалистической правовой системы, с другой — адаптировать судебный и административный аппарат к требованиям ЕС. Уже в этом контексте приоритет был отдан принятию законов, направленных на обеспечение принципа независимости судебной власти как элемента системы верховенства права. Позднейшие реформы, инициированные процессом европейской интеграции, включали дополнительную задачу — наделить судебные органы институциональной способностью обеспечивать соблюдение свода законов ЕС (*acquis communautaire*), особенно в случаях конфликта европейских норм с национальным законодательством. Действительно, в своем нынешнем виде ЕС существует благодаря судебным решениям как внутренних, так и наднациональных судов. Однако расширение ЕС на восток поставило под угрозу этот интеграционный механизм, поскольку судьи в постсоциалистических странах, привыкшие к подчинению партийно-государственному аппарату, зачастую не обладали необходимой личной и институциональной автономией. Отсутствие такой автономии препятствовало эффективной защите наднациональных правовых норм в случае их противоречия внутреннему законодательству.

В связи с этим разработчики дорожной карты реформирования правовых институтов сосредоточили усилия на расширении возможностей судебной власти в странах Восточной Европы, обеспечивая ее институциональную автономию. Эта автономия, по их мнению, должна выражаться как в изоляции судебной системы от вмешательства со стороны выборных ветвей власти, так и в делегировании судебным органам полномочий по самоуправлению. Однако Европейская комиссия придерживалась общего и зачастую расплывчатого подхода, рекомендуя странам-кандидатам ввести органы судебного самоуправления, призывая к невмешательству других ветвей власти в судебную систему, а также призывая к независимой подготовке судей, независимой системе назначения и модернизации администрирования с использованием современных технологий и менеджмента. Вместе с тем необходимо учитывать, что ЕС выступал, скорее, в качестве катализатора реформ, осуществлять которые были призваны местные элиты.

В научной литературе, ориентированной на выявление внутренних детерминант продвижения или затягивания реформ, особое внимание уделяется анализу политических элит и распределению власти между национальными акторами с их разнообразными интересами [31]. Опираясь в том числе и на результаты этих исследований, можно выделить два фактора, оказавших существенное влияние на процесс реформирования судебной системы в Болгарии и Румынии. Во-первых, это роль «агентов изменений» [22], оказывающих давление на лиц, принимающих политически значимые решения с целью продвижения международных норм и пересмотра существующих приоритетов [31]. Во-вторых, значительную роль играли противники реформ, обладавшие существенным влиянием в процессе принятия решений, чье согласие было необходимо для изменения статус-кво [47]. Применение неоинституционального подхода [32] позволяет сделать вывод о том, что действия национальных элитных групп в ответ на требования Европейского союза обусловлены их рациональными расчетами затрат и выгод, связанных с принятием европейских норм и правил. Например, в 2010 и 2011 годах давление со стороны Европейской комиссии и угроза задержки вступления в Шенгенское соглашение вновь активизировали реформы в Румынии, поскольку политическая элита понимала, что общественное мнение воспринимало Шенгенский вопрос как ключевой и что вступление в Шенгенскую зону — это то, чего хотели избиратели [42].

В результате, реформирование судебной системы в странах Юго-Восточной Европы приобрело форму циклических реструктуризаций, инициируемых каждым новым правительством. Под предлогом обеспечения независимости судебной власти и повышения ее эффективности эти реформы зачастую использовались как инструмент кадровой политики, направленный на устранение «неудобных» судей. В отличие от других сфер, где кадровые изменения происходили напрямую, в судебной системе, учитывая институциональную несменяемость судей, подобные процессы реализовывались косвенно — через давление со стороны председателей судов, фабрикацию дисциплинарных дел и отказ политизированного Высшего совета судей содействовать профессиональному продвижению конкретных судей.

Динамика смены правительств сопровождалась разрывом преемственности в курсе реформ, что проявлялось в отсутствии системности и последовательности как на процессуальном, так и на организационном, профессиональном и техническом уровнях. Например, изменения в процессуальных кодексах часто не синхронизировались со структурными преобразованиями судебной системы в целом, что снижало их практическую эффективность. Несмотря на реформы, проводимые каждые три-четыре года, а также многочисленные поправки к местному законодательству и изменения процессуальных кодексов, многие из этих инициатив не оказали существенного влияния на повседневную судебную практику. Судебные организации сохраняли устоявшиеся при прежнем режиме модели функционирования, что свидетельствует о ригидности доминирующих акторов в судебной системе. Кроме того, в условиях перманентных реформ рядовые судьи утратили доверие к меняющимся правилам, воспринимая их как временные и второстепенные. Этот феномен коррелирует с одной из теоретических моделей европеизации, согласно которой чрезмерное «адаптивное давление» со стороны носителей европейских норм вызывает в стране-реципиенте сопротивление и приводит к формальным, а не содержательным изменениям.

Широкий массив эмпирических исследований [12; 26; 43] также свидетельствует о том, что в тех сферах общественной жизни, где наблюдалось существенное расхождение между нормативными моделями, продвигаемыми международными экспертами, и устоявшимися обычаями и интересами влиятельных национальных акторов, властные элиты демонстрировали высокую степень адаптивности и изобретательности в реализации стратегий сопротивления и обхода реформ. Наиболее распространенной выступала стратегия пассивного сопротивления, заключавшаяся в том, что реформы, предписанные международными институтами, принимались на законодательном уровне, в то время как их реальная имплементация в повседневную юридическую практику оказывалась минимальной или номинальной. В этом контексте традиция политического патронажа сохраняла свою роль доминирующего структурного фактора, определявшего профессиональное поведение судей и административных кадров в судебной системе стран Юго-Восточной Европы, проявляясь с большей интен-

сивностью, чем в посткоммунистических странах первой волны расширения ЕС. Такой феномен отражал сложное взаимодействие между внешним институциональным давлением и внутренними социально-политическими структурами и культурными паттернами, что существенно усложняло процесс подлинной судебной реформы и укрепления системы верховенства права.

Вместе с тем динамика властных отношений, в том числе и внутри юридического поля [3, с. 75–128; 4], не оставалась статичной. Наряду с консервативными группами постепенно возникали «группы содействия», ориентированные на интеграцию международных стандартов и готовые продвигать реформы. В их числе: судьи низшего и среднего звена, заинтересованные в профессионализации и переходе к меритократическим принципам карьерного роста. Баланс между этими противоположными тенденциями — персонализацией и институционализацией, клиентелизмом и профессионализмом, рентоориентированностью и эффективностью — варьировался в зависимости от конкретных сегментов судебной системы (суды, прокуратура, службы уголовного розыска), уровня инстанции (первая инстанция, апелляция, верховный суд) и географического положения. При этом особое значение приобрело различие между столичными судами и судами в провинции, где влияние местных элит и традиционных социальных связей более выражено, а также между судьями и прокурорами, последние из которых демонстрировали более высокий уровень коррупционной практики.

АГЕНТЫ ПЕРЕМЕН И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Значительное влияние на изменение баланса сил внутри юридического поля посредством укрепления групп содействия реформам оказало наличие по крайней мере двух крупных внешних агентов перемен — европейских и американских институций. На первый взгляд, основным инициатором и регулятором изменений выступала Европейская комиссия. Посредством угроз приостановки или прекращения европейской финансовой помощи, а также регулярных «Отчетов о прогрессе» Болгарии и Румынии в контексте интеграции

в ЕС Комиссия оказывала давление на правительства этих стран с целью стимулировать реформы. Особое значение имел учрежденный в 2006 году «Механизм сотрудничества и верификации», призванный контролировать профессионализм судей и соответствие их поведения этическим стандартам после вступления стран в ЕС.

Однако, несмотря на формальную роль европейских институтов, их возможности по предписанию конкретных мер оставались ограниченными, поскольку организация судебной системы входит в исключительную компетенцию национальных государств. Европейская комиссия, опираясь на рекомендации Совета Европы и практику Европейского суда по правам человека, продвигала общие принципы — независимость правосудия, верховенство права, доступность судов, справедливость процесса, а также модернизацию организационных процедур. Эти принципы предоставляли широкое пространство для национальной интерпретации и адаптации, что отражает сложность трансфера норм и стандартов в контексте национальных правовых традиций [20].

Примечательно, что реальное влияние на процессы реформирования часто принадлежало не столько европейским, сколько американским организациям и экспертам, связанным с USAID и Всемирным банком [25]. Эти акторы предоставляли не только материальные и финансовые ресурсы, но и специализированные знания, опыт применения международных стандартов и навыки в области организационного развития, включая создание профессиональных ассоциаций, лоббирование корпоративных интересов и установление коммуникации с общественностью. Их стратегия была ориентирована на конкретные изменения в повседневных рабочих процессах судебных органов, особенно в регионах, что отличало их подход от европейского, нацеленного на институциональную централизацию и укрепление полномочий Высшего совета судей. Данное различие в подходах отражает не только особенности национальных — континентальной и североамериканской — традиций оказания профессиональной поддержки, но и фундаментальные различия в правовых системах и моделях профессионализации. Несмотря на это, европейские и американские стратегии оказались скорее взаимодополняющими, чем конкурирующими, часто взаимодействуя в таких инициативах, как

внедрение рекрутинга на основе конкурсного отбора и системы подготовки судей.

Ключевым элементом экспортных стратегий стало продвижение реформаторов на ключевые позиции внутри судебной системы. С этой целью внешние акторы поддерживали внутренних «агентов перемен» или «институты-посредники» посредством символического признания, передачи знаний и материальной поддержки, включая финансирование и направление экспертов [16]. Эти меры были направлены на формирование и мобилизацию коалиций поддержки реформ, а также на оказание давления на группы, сопротивляющиеся изменениям. В контексте судебных реформ такие коалиции объединяли как уже упоминавшихся представителей судебного аппарата, так и находящихся на его периферии адвокатов, нотариусов, судебных экспертов, либерально настроенных журналистов и политиков, что подчеркивает социальную природу институциональных трансформаций.

Современные исследования все больше фокусируются на роли транснациональных юридических и судейских сообществ в качестве «внешних агентов изменений», способствующих внедрению моделей управления, основанных на ценностях Европейского союза, и защищающих принципы верховенства права [15; 39]. Например, отмечается, что тот факт, что в Болгарии национальные судьи начали искать наднациональную «точку опоры» для легитимации или вдохновения позже, чем в центрально-восточных странах, может служить объяснением их ограниченной возможности действовать в качестве институционально заинтересованной стороны в процессе реформ. В Румынии, хотя многие судьи активно участвовали в наднациональных сетях, создание различных Ассоциаций судей, дифференцированных по территориальной принадлежности, негативно сказывалось на эффективности их действий как единого субъекта. В целом, Румыния рассматривается в качестве парадигматического примера [14; 38; 40], иллюстрирующего, как влияние Европейского союза на судебные реформы может быть существенно усилено благодаря наличию агентов изменений или, напротив, нейтрализовано действиями акторов, обладающих правом вето. В частности, в период с 2005 по 2007 год министр юстиции М. Маковой очевидно выступала в роли агента перемен, подтверждая гипотезу о важности процесса социализации

политических и/или профессиональных деятелей в рамках эпистемических сообществ или международных сетей [12; 22]. Однако министр, успешно выполнявшая функцию связующего звена с международными институтами, сохраняла свою позицию лишь до тех пор, пока ее деятельность воспринималась как полезная для достижения цели вступления в ЕС. Отстранение от должности последовало сразу после ослабления международного контроля [40].

Вместе с тем наиболее значимое влияние на ход судебной реформы в Румынии в преддверии вступления в ЕС оказало наличие акторов с правом вето — членов Высшего совета магистратов, Высшего кассационного суда и Конституционного суда. В ходе ожесточенного конфликта, связанного с отдельными аспектами судебной политики, в частности с ограничениями, наложенными на привилегии судей высших инстанций и на состав Высшего совета магистратов, противники реформ стремились сохранить сложившийся баланс властных отношений в судебной системе, поддерживая альянс с представителями «старой гвардии» посткоммунистических партий [37]. Неспособность судей быть независимым субъектом, действующим в качестве противовеса в рамках политики судебной реформы, было проявлением структурных ограничений, связанных с наследием предыдущего исторического периода [24]. Наследие режима Чаушеску в судебной системе было мощным и глубоким, поскольку его контроль над судебной властью был тотальным, как и в других сферах государственного управления [18]. Поведение судей высших судов стало следствием незавершенного разрыва в судебной и административной системах, продолжавших демонстрировать многие характерные черты, присущие им во времена режима Чаушеску, и особенно их представление о роли судьи.

В целом Конституционный суд, Высший кассационный суд и Высший совет магистратов служат наиболее репрезентативными примерами институциональной преемственности предшествующему политическому режиму. Кадровый состав этих органов в значительной степени сохранил преемственность, поскольку многие судьи, занимавшие должности в период правления Чаушеску и в последующее десятилетие, сохранили свои позиции. Значительная часть этих назначений осуществлялась непосредственно представителями прежней политической номенклатуры [18]. По мнению исследователей, блокирование

многочисленных инициатив по судебной реформе на основании их предполагаемой неконституционности свидетельствует о проблеме государственного захвата клиентелистскими сетями элит. Данные сети, унаследованные от предыдущего исторического периода, продолжали оказывать влияние на политические процессы в Румынии. Это наследие включало устойчивые неформальные структуры, в частности плотные взаимосвязи между высшими судебными инстанциями и политическими акторами [28], существенно ограничивавшие институциональный потенциал и подрывавшие государственный суверенитет.

Таким образом, анализ реформ судебной системы Болгарии и Румынии выявляет сложное взаимодействие различных внешних и внутренних акторов, стратегий и нормативных рамок. Пример этих стран служит важной иллюстрацией многоуровневого и многоаспектного процесса социальных изменений в постсоциалистических обществах, демонстрируя, как международное воздействие адаптируется и трансформируется в национальном контексте.

СОПРОТИВЛЕНИЕ РЕФОРМАМ И ВОСПРОИЗВОДСТВО КЛИЕНТЕЛИСТСКИХ ПРАКТИК В СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ БОЛГАРИИ И РУМЫНИИ: ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ

Поскольку государственный социализм характеризовался ограниченной потребностью в праве как самостоятельном регуляторе общественных отношений, в Болгарии и Румынии, как и в других восточно-европейских странах, юридическое образование отличалось выраженной односторонностью. В соответствии с доминирующими идеологическими установками и практическими задачами была сформирована юридическая профессия, ориентированная на инструментальное понимание права, и описательно-буквалистский подход к изучению и применению нормативных актов. В результате, как и в СССР, формальное юридическое образование не превратило акторов правовой системы «в приверженцев правовой этики и не заставило их самоидентифицироваться в качестве юристов, а не чиновников» [5, с. 337].

Хотя исследователи расходятся в оценках распространенности и интенсивности в странах Юго-Восточной Европы грубых форм

вмешательства в судебные решения (таких как «телефонное право» или давление со стороны местных властей), они разделяют мнение о существенной эффективности партийного контроля над судами в период реального социализма [35]. Такая специфика обусловила формирование устойчивых юридических привычек и моделей поведения, которые в 1990-е и 2000-е годы создали значительные трудности, в частности при имплементации европейского права, реализация которого напрямую зависела от компетентности и независимости национальных судебных органов. В результате большинство судей посткоммунистических стран склонны проявлять нерешительность в ситуациях, когда нормы права не позволяют однозначно разрешить конкретное дело, что отражает структурные ограничения и культурные особенности юридической практики. Кроме того, как свидетельствуют результаты исследований, в восточно-европейских странах (в частности, в Болгарии) сохранялась и воспроизводилась готовность судей содействовать стороне обвинения [46]. Отмечается, что в целом болгарские юристы скорее тяготеют к излишнему консерватизму [29], выражая неприятие перемен.

В этом контексте релевантным представляется концептуальный вклад С. Коткина и М. Бейсинджера [30], предлагающих рассматривать наследие коммунизма не как однородный феномен, а как результат сложного и динамичного взаимодействия исторического опыта с новыми социально-экономическими реалиями. Их методологический подход, ориентированный на выявление множественности форм проявления наследия и причинно-следственных связей между прошлым и настоящим, позволяет более глубоко понять разнообразие постсоциалистических траекторий. Кроме того, акцент на сохранении докоммунистических видов наследия — российских имперских, габсбургских, османских — способствует интеграции данного подхода в рамки теории множественных модерностей, которая признает вариативность и многомерность процессов социокультурных изменений. Такой эмпирически обоснованный и теоретически гибкий подход предоставляет ценную перспективу для понимания сложной природы и многообразия институциональных и культурных трансформаций в странах Восточной Европы после социализма. Согласно классификации, предложенной Коткиным и Бейсинджером, в числе форм исто-

рического наследия можно выделить «культурные схемы» — устойчивые способы мышления и поведения, сформировавшиеся в ходе социализации при прежнем политическом порядке и сохраняющиеся длительное время после макрополитического разрыва. Эти схемы являются продуктом особого опыта формальной и неформальной социализации, сохраняющегося после разрыва и воспроизводящегося в следующих поколениях. Авторы справедливо отмечают, что такие культурные схемы можно рассматривать как «своего рода “чувство игры”», которое, по П. Бурдьё [3], связано с понятием габитуса — внутренней структурой восприятия и предвосхищения действий других, основанной на личном и историческом опыте [30, р. 15].

Сохранению и воспроизводству сложившихся структур восприятия во многом способствовала система юридического образования, в период транзита сохранявшая отчетливые черты социалистического наследия. В частности, еще в начале нулевых продолжали обучать и учиться по учебникам, изданным при социализме, и содержащим критические замечания по отношению к буржуазному праву, также как и само разделение права на буржуазное и социалистическое [44]. Добавим также, что представители старшего поколения юристов, в том числе и судьи, формировавшиеся в предыдущий исторический период, в целом сохранив свои позиции, передавали новому поколению «проверенные временем» практики и паттерны профессионального поведения.

Как следствие, одним из ключевых препятствий в процессе внедрения транснациональных моделей судебной реформы в странах Юго-Восточной Европы оказалось устойчивое сопротивление со стороны местных властных акторов, интересы и позиции которых оказывались под угрозой в результате предписанных европейскими институтами изменений [45]. Внутри судебной системы сопротивление было особенно выражено у таких подгрупп, как прокуроры, председатели судов и судьи высших инстанций. Поскольку у многих из них карьерная траектория выстраивалась еще при социализме, они в большей степени были склонны поддерживать неформальные сети взаимных обязательств и лояльности, переплетающиеся с семейными, дружескими и партийными связями [11]. Эти сети функционировали как механизм воспроизводства институциональной власти и экономических выгод,

обеспечивая продвижение по службе, доступ к государственным и международным ресурсам, а также расширение возможностей для личного обогащения. В таком контексте практика фаворитизма, клиентелизма, nepотизма и коррупции оставалась неотъемлемой частью повседневного управления судебными органами. Соответственно, реформы, направленные на ограничение этих практик и перераспределение властных полномочий, воспринимались как угроза статус-кво, что и порождало активное сопротивление.

В частности, председатели судов противостояли изменениям, направленным на повышение прозрачности принятия решений, например через публикацию мотивировочной части судебных решений. Кроме того, председатели судов затягивали внедрение управленческих инструментов, призванных минимизировать персонализацию решений, таких как система случайного распределения дел между магистратами, использование статистических показателей профессиональной деятельности и психологических тестов при приеме на работу. Они также откладывали реализацию мер, способствующих ускорению судебных процедур, поскольку стремились сохранить возможность извлекать выгоду из ускоренного разрешения или, напротив, закрытия дел [13]. Конечно, председатели судов, прежде всего, стремились сохранить контроль в вопросах рекрутинга и продвижения судей.

До реформ начала 2000-х годов назначение на должности в судебной системе Болгарии и Румынии осуществлялось среди лиц с высшим юридическим образованием, прошедших последипломную стажировку и получивших лицензию на юридическую практику. Специализированной подготовки для судей не существовало, равно как и единых критериев отбора в зависимости от должности и национальной кадровой политики. Прямое назначение было возможно при наличии стажа в любой юридической профессии, однако для судов второй и третьей инстанции требовался опыт работы мировым судьей. Формально назначения утверждал Высший совет судей в Болгарии (ВСС) или Высший совет магистратов (ВМС) в Румынии. Однако фактически председатель суда контролировал открытие вакансий и отбор кандидатов, поскольку Высшие советы в обеих странах не обладали в том числе и кадровыми ресурсами для проверки профессиональных качеств кандидатов [16].

Под давлением международных институций принятый в Болгарии в 2002 году Закон о судебной системе ввел конкурсные экзамены как единственный способ поступления в судебную систему, предусматривая два конкурса: для младших судей и прокуроров и для прямого назначения на другие должности. Однако второй конкурс не применялся из-за отсутствия нормативной базы. Внутренние кандидаты, прошедшие обучение в Национальном институте юстиции (НИЮ), получали приоритет. Обязательная начальная подготовка длилась один год (позже была сокращена до шести месяцев), и только успешно завершившие ее могли быть рекомендованы ВСС [44]. Данная система, вдохновленная французской моделью и поддержанная международными организациями, была внедрена с целью повышения профессионализма судей.

Тем не менее председатели судов сопротивлялись утрате контроля над набором, поскольку он служил инструментом формирования личных и корпоративных связей, позволяя устраивать родственников и приближенных на должности, что усиливало клиентелизм. Используя стратегию внесения поправок в закон, в 2004 году удалось ограничить конкурс только низшими должностями. При этом внешние кандидаты на более высокие посты назначались без экзаменов и подготовки, что восстановило прежние практики и подорвало карьерные перспективы кандидатов, проходящих конкурс. Протесты судей против таких назначений вкупе с европейским давлением перед вступлением в ЕС, привели к изменениям в 2007 году закона о судебной системе: конкурсные экзамены стали обязательными для всех первичных назначений, а внешние наборы ограничены двадцатью процентами вакансий с обязательным конкурсом и широким оповещением о его проведении [17]. Таким образом контроль председателей судов над набором был ослаблен.

Процедура оценки и продвижения судей также находилась в исключительной компетенции председателей судов, чьи субъективные суждения определяли карьерные перспективы подчиненных. Критерии отбора носили размытый и неоднородный характер: наряду с объективными параметрами — стажем и профессиональными заслугами — учитывались личные и семейные связи, лояльность к руководству, а также принадлежность к местным элитам и политическим группам.

Такая практика порождала систему «закрытого доступа», где продвижение по службе зачастую зависело не от профессионализма, а от наличия «правильных» связей и поддержки влиятельных покровителей. Кроме того, например, в Болгарии ВСС, хотя и являлся формальным органом утверждения кадровых назначений, не обладал четкими критериями оценки и не был обязан публично обосновывать свои решения, что усугубляло проблему непрозрачности и снижало доверие к данному институту. В результате этого наблюдался не только институциональный дефицит подотчетности, но и происходило формирование замкнутого круга элит, способных контролировать судебную систему в своих собственных интересах.

Высокопоставленные судьи, обеспокоенные международным вмешательством, находили значительную поддержку у разделявших их стремление к сохранению «национальной правовой традиции» профессоров права и некоторых юристов, ставших политиками. В Болгарии эта оппозиция международным актам часто опиралась на Конституционный суд, демонстрировавший меньшую восприимчивость к международному давлению по сравнению с парламентом или правительством. Сопrotивление поддерживалось также Высшим советом судей, Высшим кассационным судом и Высшим административным судом, где доминировали бывшие председатели судов, ставившие корпоративные интересы выше иных соображений. Аналогичную позицию занимали юристы, извлекавшие выгоду из своего положения посредников в коррупционных схемах между участниками судебных процессов и судьями.

Реформы начала 2000-х годов, предусматривавшие вовлечение Министерства юстиции и ВСС в управление карьерой судей, формально ориентировались на стандарты европейской интеграции и повышение прозрачности процедур. В частности, создание в 2002 году Комиссии по выдвижению и оценке кандидатур должно было обеспечить объективную экспертизу и повысить качество кадровых решений [13]. Однако на практике эти изменения не привели к существенному изменению ситуации. Местные комиссии, формально оценивающие кандидатов, систематически выставляли максимально высокие оценки, что нивелировало контроль со стороны ВСС и сохраняло прежнюю модель продвижения.

Вместе с тем административные руководители судов продолжали назначаться без объективного анализа компетентности и профессиональной честности, что негативно сказывалось на эффективности и легитимности судебной власти. Ситуация усугубилась в конце 2000-х годов серией коррупционных скандалов, связанных с торговлей влиянием и лоббизмом при назначениях на ключевые должности [17]. В ходе общественных расследований было выявлено, что многие кандидаты, продвигаемые в судебной иерархии, обладали минимальным управленческим опытом, а их карьерный рост был обусловлен связями с политическими и корпоративными группами интересов. При этом попытки профессиональных ассоциаций судей критиковать подобные практики нередко приводили к необоснованным дисциплинарным преследованиям, что свидетельствует о глубокой системной проблеме.

Исследования румынской судебной системы [28] также продемонстрировали, что часть судебной элиты страны активно противодействовала реформам, направленным на усиление дисциплинарной ответственности судей и прокуроров. Полученные результаты позволяют заключить, что юридическая элита воспринимала эти меры как посягательство на профессиональную независимость и автономию. Другие исследователи [39] выявили связь сопротивления реформам с сильными институциональными традициями и устойчивыми сетями влияния внутри судебной системы, препятствующими внешнему контролю и вмешательству. В свою очередь, анализ, проведенный А. Хипер [27], раскрыл используемые судебной элитой дискурсивные стратегии, оправдывающие сохранение статус-кво через апелляцию к «независимости суда» и «профессиональной этике», что послужило инструментом сопротивления реформам.

Реформаторские инициативы начала 2000-х годов, несмотря на формальное соответствие европейским стандартам, не смогли кардинально изменить сложившуюся ситуацию. Сопротивление со стороны влиятельных групп судебной элиты и недостаточная институциональная поддержка препятствовали внедрению эффективных механизмов оценки и подотчетности судей, что сохраняло структурные дисфункции и ограничивало развитие профессионализма. В целом анализ судебной кадровой системы Болгарии и Румынии демонстрирует

рует обусловленность сопротивления юридической элиты реформам судебной системы не только материальными интересами, но и институциональной инерцией, дискурсивным господством и социальной репродукцией клиентелистских практик, которые оказывают длительное влияние на качество и независимость судебной власти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования посткоммунистических преобразований в Юго-Восточной Европе в основном опирались на ранние версии теории модернизации, которая утверждала, что переход к демократическим политическим институтам и верховенству права — это линейный процесс, ведущий к заранее определенному результату. Однако трансформационные процессы в этом регионе оказались более сложными. Очевидно, что необходимо использовать новые подходы к изучению посткоммунистических обществ Юго-Восточной Европы. В отличие от теории модернизации, теория множественных модерностей позволяет учесть особенности траекторий развития разных стран и различные формы их исторического наследия, а также влияние внешних акторов на конкретное общество.

Проведенный анализ судебных реформ в Болгарии и Румынии в контексте европейской интеграции выявляет сложный и многогранный характер трансформационных процессов, обусловленных сочетанием внешнего давления со стороны Европейского союза и внутренних факторов. Несмотря на необходимость адаптации национальных правовых систем к стандартам ЕС, реформы сталкивались с серьезным сопротивлением юридической элиты, связанным как с наследием социалистического прошлого, так и с устойчивыми клиентелистскими практиками, сохранявшимися в судебной среде. Ключевым препятствием для успешного проведения реформ выступали институциональная инерция, преемственность кадров и культурные схемы поведения, сформировавшиеся в эпоху государственного социализма, которые продолжали в значительной степени определять модели профессионального взаимодействия внутри судебной системы. В частности, доминирование политического патронажа и сетей взаимных обязательств препятствовало формированию меритократических принципов рекрутинга, оценки и продвижения судей, что

снижало эффективность нововведений и углубляло кризис легитимности судебной власти.

Соппротивление включало в себя несколько взаимосвязанных стратегий. Во-первых, представители судебной элиты использовали институциональные ресурсы для сохранения и укрепления существующих структур власти. Председатели судов контролировали кадровые назначения и продвижение судей, предпочитая поддерживать коллег, лояльных к кластеру практик и клиентелистским сетям, что препятствовало внедрению стандартов Европейского союза. Во-вторых, элита активно конструировала и легитимизировала «профессиональные» культурные нормы, основанные на традициях предыдущих исторических периодов, включавшие неписанные правила лояльности, взаимных обязательств и политического влияния. Это формировало устойчивый когнитивный барьер для восприятия и внедрения принципов открытости и независимости судебной власти. В-третьих, фундаментальным инструментом сопротивления служила мобилизация административных и процедурных механизмов для затягивания или блокирования реформ — например, создание бюрократических преград, инициирование процедурных споров вокруг изменений в законодательстве, а также использование судебных решений для оспаривания соответствующих нормативных актов. Наконец, председатели судов и судьи высших инстанций поддерживали корпоративные альянсы с политическими структурами и другими заинтересованными группами, что дополнительно усиливало их влияние и расширяло возможности противодействия внешнему давлению со стороны Европейского союза и международных организаций. Таким образом, стратегии сопротивления юридической элиты представляли собой комплекс институциональных, культурных и политических практик, которые обуславливали инерцию судебных систем и значительно усложняли процесс имплементации европейских стандартов.

Роль внешних акторов, в первую очередь Европейской комиссии, была значительной в качестве катализатора реформ, однако влияние оказалось ограниченным рамками национального суверенитета и особенностями институциональной конструкции судебных систем. Комплементарную функцию выполняли международные организа-

ции и американские структуры, которые обеспечивали практическую поддержку и способствовали становлению профессиональных сообществ реформаторов. Тем не менее без внутренней политической воли и мобилизации агентов перемен внедрение европейских стандартов оставалось фрагментарным и зачастую номинальным.

Процесс судебной реформы в Болгарии и Румынии иллюстрирует наличие множественности модернизационных траекторий, зависящих от историко-культурного контекста, взаимодействия локальных и глобальных акторов, а также баланса сил внутри юридического поля. Несмотря на предпринимаемые реформы, судебные кадровые системы Болгарии и Румынии продолжают сталкиваться с вызовами, связанными с клиентелизмом, недостатком прозрачности и политическим вмешательством. Для преодоления существующих барьеров необходим комплексный подход, включающий институциональные изменения, повышение прозрачности кадровых процедур и трансформацию профессиональной культуры судей. Вместе с тем рост иллиберализма в странах Центрально-Восточной Европы, таких как Венгрия, свидетельствует о том, что ситуация в Болгарии и Румынии отражала некоторые более общие тенденции в посткоммунистических государствах, связанные с патологическими ошибками при проведении реформ и выборе способов их осуществления.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Масловская Елена Витальевна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник. Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Санкт-Петербург, Россия.

Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** ev_maslovskaya@mail.ru.

Research Article

ELENA V. MASLOVSKAYA¹

¹ The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., 190005, St Petersburg, Russia.

THE JURIDICAL ELITE IN BULGARIA AND ROMANIA: RESISTANCE TO REFORMS AND CHALLENGES OF EUROPEAN INTEGRATION

Abstract. The article considers the mechanisms of resistance of the juridical elite to judicial reforms in Bulgaria and Romania since the beginning of the 1990s. The study presents an analysis of the historical context and the development of judicial systems of both countries during the transition period and after their accession to the European Union. The key groups of the juridical elite and their influence on the process of reforming are singled out. An emphasis is made on a systemic study of the national level in the context of strategies and tactics of representatives of the elite groups within and outside the judicial system in the process of sectoral reforms accompanying the European integration. Special attention is devoted to the role of chairpersons of the courts and judges of the higher courts who resisted to implementation of reforms through institutional resources, control over recruitment policy and formation of the professional culture. The article analyzes the main strategies of resistance including bureaucratic and institutional barriers as well as preservation of clientelist practices caused by historical legacies of the socialist period. It is emphasized that the dominance of political patronage and networks of mutual obligations hindered the formation of meritocratic principles of recruitment, evaluation and promotion of judges decreasing the efficiency of innovations and aggravating the crisis of legitimacy of the judicial power. A conclusion has been made that the strategies of resistance of the juridical elite included a complex of institutional, cultural and political practices that caused the inertia of the judicial systems and complicated the process of implementation of European standards. The results of the study demonstrate that the effectiveness of reforms depends not only on external pressure but also on transformation of internal recruitment policy and corporate norms within the judicial system. Judicial reforms in Bulgaria and Romania illustrate the existence of multiple modernizing trajectories which depend on historical-cultural context, interaction of local and global actors as well as the balance of forces within the juridical field. The article contributes to the development of theoretical ideas on the processes of judicial reforms in post-communist states.

Keywords: multiple modernities, judicial reform, juridical elite, EU policy, Bulgaria, Romania.

For citation: Maslovskaya E.V. The Juridical Elite in Bulgaria and Romania: Resistance to Reforms and Challenges of European Integration. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 4. P. 27–61.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.4.2>. (In Russ.)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elena V. Maslovskaya — Doctor of Sociological Sciences, leading researcher. The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** ev_maslovskaya@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES:

1. Блоккер П. Об удивительной живучести модернизационной теории / Транс. с англ. А. Захарова // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2022. № 1. С. 163–174. EDN: GLENPB
Blokker P. On surprising persistence of modernization theory. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* = *An inviolable reserve. Debates on politics and culture*. 2022. No. 1. P. 163–174. (In Russ.)
2. Блоккер П. Сталкиваясь с модернизацией: открытость и закрытость другой Европы / Пер. с англ. А. Маркова // Новое литературное обозрение. 2009. № 6 (100). С. 18–34. EDN: MTDUAF
Blokker P. Confrontations with modernization: Openness and closure of the other Europe. *Novoe literaturnoe obozrenie* = *New Literary Review*. 2009. No. 6 (100). P. 18–34. (In Russ.)
3. Бурдьё П. Социальное пространство: Поля и практики / Пер. с фр. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
Bourdieu P. Social space: Fields and practices. [Russ. ed.: Bourdieu P. *Sotsial'noe prostranstvo: Polya i praktiki*. Transl. from French by N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteya. 2005. 576 p.]
4. Масловская Е.В., Масловский М.В. Концепция юридического поля и современная социология права // Социология власти. 2015. № 2. С. 48–65. EDN: UAXOFR
Maslovskaya E.V., Maslovskiy M.V. The conception of juridical field and contemporary sociology of law. *Sotsiologiya vlasti* = *Sociology of power*. 2015. No. 2. P. 48–65. (In Russ.)
5. Соломон П. Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. Л. Максименкова. М.: РОССПЭН, 2008. 464 с.
Solomon P. Soviet criminal justice under Stalin. [Russ. ed.: Solomon P. *Sovetskaya yustitsiya pri Staline*. Transl. from Eng. by L. Maksimenkov. Moscow: ROSSPEN, 2008. 464 p.]
6. Arnason J.P. Alternating modernities: The case of Czechoslovakia. *European journal of social theory*. 2005. Vol. 8. No. 4. P. 435–451.
<https://doi.org/10.1177/1368431005056422>

7. Arnason J.P. Designs and destinies: Making sense of post-communism. *Thesis Eleven*. 2000. Vol. 63. No. 1. P. 89–97.
<https://doi.org/10.1177/0725513600063000008>
8. Bieber F., Ristić I. Constrained democracy: The consolidation of democracy in Yugoslav successor states. *Southeastern Europe*. 2012. Vol. 36. No. 3. P. 373–397.
<https://doi.org/10.1163/18763332-03603005>
9. Blokker P. Building democracy by legal means? The contestation of human rights and constitutionalism in East-Central Europe. *Journal of Modern European History*. 2020. Vol. 18. No. 3. P. 335–351.
<https://doi.org/10.1177/1611894420925756>
10. Blokker P. Populist counter-constitutionalism, conservatism and legal fundamentalism. *European constitutional law review*. 2019. Vol. 15. No. 3. P. 519–543. <https://doi.org/10.1017/S157401961900035X>
11. Bobek M. Judex ex machina: institutional and mental transitions of Central and Eastern European judiciaries. *Judicial reforms in Central and Eastern European countries*. Ed. by R. Coman, J.-M. De Waele. Baden-Baden: Vanden Broele, 2007. P. 107–134.
12. Börzel T.A., Risse T. Conceptualizing the domestic impact of Europe. *The politics of Europeanization*. Ed. by K. Featherstone, C.M. Radaelli. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 57–80.
13. Coman R. 'Quo vadis' judicial reforms? The quest for judicial independence in Central and Eastern Europe. *Europe-Asia Studies*. 2014. Vol. 66. No. 6. P. 892–924. <https://doi.org/10.1080/09668136.2014.905385>
14. Dallara C. *Democracy and judicial reforms in South-East Europe*. New York; London: Springer, 2014. 124 p.
15. Dallara C., Piana D. *Networking the rule of law. How change agents reshape the judicial governance in the EU*. Farnham: Ashgate, 2015. 196 p.
16. Delpuech T., Vassileva M. Judicial reforms as a political enterprise: American transfer entrepreneurs in post-communist Bulgaria. *Public policy transfer: Micro-dynamics and macro-effects*. Ed. by M. Hadjiisky, L.A. Pal, C. Walker. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2017. P. 29–50.
<https://doi.org/10.4337/9781785368042>
17. Delpuech T., Vassileva M. Transfers and learning in the framework of Bulgarian legal reforms (1990–2013). *Southeastern Europe*. 2016. Vol. 40. No. 3. P. 317–345. <https://doi.org/10.1163/18763332-04003002>
18. Demsorean A., Parvulescu S., Vetrici-Soimu B. Romania: Vetoed reforms, skewed results. *International actors, democratization and the rule of law: Anchoring democracy?* Ed. by A. Magen, L. Morlino. London: Routledge, 2009. P. 87–119.

19. DiMaggio P.J., Powell W.W. The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields. *American sociological review*. 1983. Vol. 48. No. 2. P. 147–160.
20. Dimitrov G., Plachkova A. Bulgaria and Romania, twin Cinderellas in the European Union: How they contributed in a peculiar way to the change in EU policy for the promotion of democracy and the rule of law. *European Politics and Society*. 2021. Vol. 22. No. 2. P. 167–184.
<https://doi.org/10.1080/23745118.2020.1729946>
21. Elbasani A. (ed.). *European integration and transformation in the Western Balkans. Europeanization or business as usual?* Abingdon: Routledge, 2013. 232 p.
22. Finnemore M., Sikkink K. International norm dynamics and political change. *International organization*. 1998. Vol. 52. No. 4. P. 897–917.
<https://doi.org/10.1162/002081898550789>
23. Friedland R., Alford R. Bringing society back in: Symbols, practices, and institutional contradictions. *The New institutionalism in organizational analysis*. Ed. by W.W. Powell, P.J. DiMaggio. Chicago, IL: University of Chicago Press, 1991. P. 232–263.
24. Grabbe H. *The EU's transformative power: Europeanization through conditionality in Central and Eastern Europe*. London: Palgrave Macmillan, 2006. 231 p.
25. Hammerslev O. The European Union and the United States in Eastern Europe: Two ways of exporting law, expertise and state power. *Lawyers and the rule of law in an era of globalization*. Ed. by Y. Dezalay, B.G. Garth. London: Routledge, 2011. P. 134–155.
26. Héritier A. Europeanization research East and West: A comparative assessment. *The Europeanization of Central and Eastern Europe*. Ed. by F. Schimmelfennig, U. Sedelmeier. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005. P. 199–209.
27. Hipper A. *Beyond the rhetorics of compliance: Judicial reform in Romania*. New York: Springer, 2015. 269 p.
28. Iancu B. Constitutionalism in perpetual transition: the case of Romania. *The law/politics distinction in contemporary public law adjudication*. Ed. by B. Iancu. The Hague: Eleven International Publishing, 2009. P. 187–211.
29. Kalaidieva Z. The procuracy and its problems. *East European Constitutional Review*. 1999. Vol. 8. No. 1. P. 79–85.
30. Kotkin S., Beissinger M. The historical legacies of communism: An empirical agenda. *Historical legacies of communism in Russia and Eastern Europe*. Ed. by M. Beissinger, S. Kotkin. New York: Cambridge University Press, 2014. P. 1–27.
31. Magen A., Morlino L. (eds). *International actors, democratization and the rule of law: Anchoring democracy?* London: Routledge, 2009. 320 p.

32. March J.G., Olsen J.P. *Rediscovering institutions: The organizational basis of politics*. New York: Free Press, 1989. 227 p.
33. Marks G. Structural policy and multilevel governance in the EC. *The state of the European Community. Vol. 2. The Maastricht debate and beyond*. Ed. by A. Cafruny, G. Rosenthal. Boulder: Lynne Rienner, 1993. P. 391–411.
34. Melone A. *Creating parliamentary government: The transition to democracy in Bulgaria*. Columbus: Ohio State University Press, 1998. 350 p.
35. Melone A.P. The struggle for judicial independence and the transition toward democracy in Bulgaria. *Communist and post-communist studies*. 1996. Vol. 29. No. 2. P. 231–243.
36. Mendelski M. The EU's pathological power: The failure of external rule of law promotion in South Eastern Europe. *Southeastern Europe*. 2015. Vol. 39. No. 3. P. 318–346. <https://doi.org/10.1163/18763332-03903003>
37. Mendelski M. Where does the EU make a difference? Rule of law development in the Western Balkans and beyond. *European integration and transformation in the Western Balkans. Europeanization or business as usual?* Ed. by A. Elbasani. Abingdon: Routledge, 2013. P. 101–118.
38. Mishkova D. Balkans / Southeastern Europe. *European regions and boundaries: A conceptual history*. Ed. by D. Mishkova, B. Trencsényi. New York: Berghahn Books, 2017. P. 143–165.
39. Parau C.E. Explaining governance of the judiciary in Central and Eastern Europe: External incentives, transnational elites and parliamentary inaction. *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol. 67. No. 3. P. 409–442. <https://doi.org/10.1080/09668136.2015.1016401>
40. Pridham G. The effects of the European Union's democratic conditionality: The case of Romania during accession. *Journal of communist studies and transition politics*. 2007. Vol. 23. No. 2. P. 233–258. <https://doi.org/10.1080/13523270701317505>
41. Putnam R.D. The prosperous community: Social capital and public life. *The American prospect*. 1993. Vol. 4. No. 13. P. 35–42.
42. Spendzharova A.B., Vachudova A.M. Catching up? Consolidating liberal democracy in Bulgaria and Romania after EU accession. *West European politics*. 2012. Vol. 35. No. 1. P. 39–58. <https://doi.org/10.1080/01402382.2012.631312>
43. Schimmelfennig F., Sedelmeier U. Conceptualizing the Europeanization of Central and Eastern Europe. *The Europeanization of Central and Eastern Europe*. Ed. by F. Schimmelfennig, U. Sedelmeier. Ithaca; London: Cornell University Press, 2005. P. 1–28.

44. Schönfelder B. Judicial independence in Bulgaria: A tale of splendour and misery. *Europe-Asia studies*. 2005. Vol. 57. No. 1. P. 61–92.
<https://doi.org/10.1080/0966813052000314110>
45. Todorova V. The rule of law in Bulgaria: State of play and trends (after 2010). *Southeastern Europe*. 2020. Vol. 44. No. 2. P. 233–259.
46. Trochev A. How judges arrest and acquit: Soviet legacies in postcommunist criminal justice. *Historical legacies of communism in Russia and Eastern Europe*. Ed. by M. Beissinger, S. Kotkin. New York: Cambridge University Press, 2014. P. 152–178.
47. Tsebelis G. *Veto players: How political institutions work*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2002. 320 p.